

ХУБУТИЯ

ДЕНЬГИ НЕ В СЧЁТ

Для читателей сайта. Это не типичный очерк (хотя, очерки нынче вообще не типичны, как жанр). Дело вот в чем. Меня всегда приводят, мягко говоря, в замешательство, обобщения. И глобальные, и местные, а, особенно - местечковые. Если чиновник – то обязательно бездушный хапуга, если коммунист, то обязательно двурушник, если... Ну, вы меня поняли. С удовольствием расскажу о действительно богатом русском, который не вписывается в предложенную некоторыми картину мира.

Х Х Х

От знакового московского торгового комплекса «Гостиный двор» до знакового Кремля – рукой подать. Площадь только перейти. Один из совладельцев «Гостинного двора», его управляющий, Михаил Михайлович Хубутя, налив себе зеленого чая, и, закулив ароматную сигарету (любит, чтобы ощущался вкус, иногда сигарами тоже из-за этого балуется), выдает экспромт: "Жизнь прожить – не площадь перейти. Вон ту. Красную".

Вот как не странно, это не выпендрож. Это, пожалуй, выстраданное, но прикрывается иронической улыбкой. Что ж, ну, такой стиль. Невозмутимый вид, шутка, сказанная впроброс. Потом, оказывается, и не совсем шутка. А еще потом – совсем даже не шутка.

И Красная – не фигура речи. Она и правда видна из окна его офиса.

Х Х Х

Есть в мире такое широко распиаренное мнение – первый капитал всегда бандитский. Ну, или связан с чем-то криминальным. Иначе, дескать, никак. Потом начинается честный бизнес, но первые деньги, деньги для старта – всегда откуда-то, из непонятого обывателю тумана. Не гоп-стоп, конечно, но все равно жульнический отъем денег у населения.

Х Х Х

«Ничего подобного. Ни копейки нечестной в моем капитале нет. С первой до

последней. Все было предельно просто, а, потому, предельно прозрачно. Я служил в армии, под Москвой, в Химках. Служил хорошо, меня приняли в партию и выбрали председателем общественного суда части – часть была огромной. Может быть, поэтому, меня не обделяли увольнениями. И вот, как-то, бесцельно болтаясь по столице, я оказался у знаменитой Плешки – тогда еще института имени Плеханова, ориентированного на финансы и экономику.

В принципе, я хотел в медицинский поступить. Но как-то вяло хотел.

Из института выпорхнула стайка молодых людей, очень таких жизнерадостных, даже нарядными они мне показались. И тут, как в той сказке, я, зачарованный, неизвестно чем, их видом, их манящей неизвестностью, я поплелся за ними. Потом очнулся, и решительно вернулся в исходную точку – ко входу в Плешку. С этого все и началось, я считаю.

Цель сначала обрела конкретную форму – Плешку, а потом и содержание – экономику.

Стал готовиться усердно, благо, еще год в запасе был, поступил сразу и без проблем.

Примерно в это же время я подружился с одним парнем, Сашей Черновым. Тоже, случайно познакомились. Потом оказалось, что на всю жизнь. К сожалению, сейчас его уже нет, умер Саша. Вскоре к нам присоединился Рафик Етумян. Это был сплошной интернационал. Но бедный. Мы тогда были нищими студентами. Не могу сказать, что нам это нравилось. Хотелось жить весело, красиво..., в общем, что говорить, молодость. И мы сначала просто по ночам разгружали вагоны на Павелецком вокзале. Как многие студенты. Но Саша был москвич, и его мама опекала нас очень сильно. В принципе, деньги можно было и не тратить особо. Ну, кроме специфических трат, одежда там, кафе иногда, что еще, уж и не помню. Но это же не ежедневные траты. А, поскольку, специальность, которой мы в институте обучались, называлась экономикой, то тут, как говорится, нам сам Бог велел задуматься, что с ними делать. Но и дальше ничего сверхординарного в наших поступках не было. Как и многие в те годы - начало девяностых - мы решили открыть ларек.

С него все и началось.

Но тут надо припомнить время, эти первые годы дикого капитализма. Казалось, такой хаос не каждому было под силу пережить. Бартеры, малиновые пиджаки бандитов, обязательная «крыша»...черт ногу сломит. Нынешние времена по сравнению с теми кажутся раем небесным.

Тем не менее, мы подумали так – надо теорию, то есть собственную учебу в Плешке, подкрепить практикой. Иначе все это напоминало нам царский червонец, не обеспеченный золотом.

Золота, конечно, не было, но было огромное желание ввязаться в бурную жизнь, и мы открыли киоск.

Сейчас эти опасные и хаотичные годы кажутся не реальными. Но тогда я попал в такой перекрест разных событий, происходивших в России, что невольно оказался сам по себе в некотором роде подопытным субъектом. Субъектом, который начали

формировать эти события – подчас совсем не предсказуемые.

Тут дело в том, что я по натуре, по убеждениям, совершенно законопослушный государственный. Грузин по национальности, ощущающий себя только русским. А все тогда происходившее ну никак нельзя было назвать разумной государственной политикой. Я уж не говорю о том, что немного раньше упразднили КПСС. А ведь в армии меня приняли кандидатом в ее члены, и я этим гордился. Просто потому, что компартия казалась незыблемой.

Мне же нравится все основательное и незыблемое.

И вот все это рушилось на глазах, летело в пропасть. В какой-то момент я сказал друзьям : «Давайте ни на что не обращать внимания. Давайте работать. По специальности. А дальше пусть будет, как будет».

Как в те годы можно было работать молодому предприимчивому грузину с русской душой? Правильно - тот первый ларек мы открыли в Люберцах. Потом еще один, уже в Москве, на уже знакомом Павелецком. На ВДНХ наша фирма «Москва ДЛ-Париж», в конце концов, в павильоне с названием «Москва», заняла весь первый этаж.

Обращаю внимание на ключевое слово – Москва.

И пошло-поехало. И до сих пор катится.

А ведь поначалу все шло к тому, что должен был я занять какое-нибудь место в каком-нибудь департаменте, и сидел бы, пилил бюджет, считал, делал грозный и значительный вид...

Бог миловал.

Х Х Х

Помню картошку. Тогда студенты обязательно каждую осень ездили на картошку. На четвертом курсе. До сих пор улыбаюсь...

Те местные были совсем борзые. Это в Каширском районе, деревню называть не буду. Я уже тогда лысым был. Хотя ополчились они на меня, конечно, не по поводу блестящей макушки. Остальные-то с прическами были. Особенно девушки. Из-за них, собственно, весь сыр-бор и произошел тогда.

Но я для деревенских, почему-то, как красная тряпка для быка оказался.

Коротко говоря, они на наших девчонок глаз положили. Начали «ухаживать». Нам эти «ухаживания» сильно не понравились. Они их просто лапали, норовили в стог утащить каждую минуту. Мы за них вступились. Подрались, сильно, чуть до ножей дело не дошло. И, видимо, на нашей стороне в тот раз удача была. А это уже не понравилось деревенским.

Наутро они, на конях и мотоциклах, с колами и топорами, подъехали к нашему жилью. Основное их требование было : «Выдайте нам лысого, иначе всех порешим!» Тогда студенты тоже вооружились, примерно тем же самым, и уже пошли было «стенка на стенку»... В дело вмешались милиция и наши преподаватели. Драки в тот раз не было, но шестерых студентов (в том числе и «лысого») все же перевели в другой район. Картошку - то везде сельские не

успевали сами выкапывать.

А воспоминание приятное в основном тем, что «лысого не сдадим!»

И ведь не сдали!

Х Х Х

Я, наверное, не очень вписываюсь в мифологию создания крупных капиталов в России. Не стоял я у Большого театра, не продавал левые билеты, не торчал у «Березок», скупая боны, на «Плешке» у метро Беговая, где тогда вся фарца собиралась, замечен ни разу не был. Все делалось своими мозгами, руками и ногами. Торговали выпечкой – сначала вдвоем, потом потихоньку, буквально, по человеку, набирали штат. Такие современные офени! Шутки шутками, а деньги-то появились. И мы с первых же значительных прибылей поехали за границу, покупать ширпотреб, а, поскольку в магазинах было шаром покати, он в наших киосках пользовался бешеным успехом. Вещи были современными, модными и недорогими. Этим, наверное, и брали. Не жадничали, словом. Совсем скоро и не только шмотки пошли в дело – техника, компьютеры, мы очень пристально следили за предпочтениями рынка. Ну, не зря ведь параллельно в институте как раз об этом лекции слушали.

К тому времени мы уже развозили наши товары по Москве в грузовиках, штат увеличивался не по дням, а по часам.

Х Х Х

Конечно, жизнь «бедного студента» к этому моменту была уже позади. Ходили в «самые» столичные рестораны, ну, естественно, «Москва», «Националь», все, что было престижно в центре, «Хрустальный» на Кутузовском, «Закарпатские узоры»... Но без «фанатизма». Вот чего не было, так это купеческого шика. Как-то без него все обходилось. Вообще, до конца не верилось, что это именно с нами происходит. Что это именно ты даешь на лапу швейцару четвертной, и он услужливо распахивает казалось бы неприступные ворота ресторана. Как со стороны гляделось, причем это долго продолжалось, честное слово.

Мала и Москва со временем стала. Сначала в Сочи повадились летать, в гостиницу «Жемчужная», самую популярную в те годы. Прошло еще какое-то время, и мы уже были завсегдатаями кафе и ресторанов в ныне печально знаменитых трех башнях Торгового центра в Нью-Йорке. Хорошо помню любимое место – кафе на 86 этаже одного из билдингов.

Да. Жить стало лучше, жить стало веселее.

Компания была стабильной – я, Саша Чернов и Рафик Етумян, который и сейчас сидит за стенкой моего кабинета, в своем офисе. Всю жизнь вместе прожили.

Ну, не до конца еще, конечно.

А вот жен с собой не брали.

Х Х Х

Я свою жену натурально украл. Честь по чести, как и полагается джигиту. Году в 88 поехал к своей однокласснице в Грузию на свадьбу. Первый день отгуляли, на следующий, с утра, поехали хаш есть, продолжать, словом. С приятелем на его машине. Смотрю, пешком идут в том же направлении моя еще одна одноклассница с подружкой. Нет, конечно, это был не спонтанный выбор. Я был влюблен в нее уже несколько лет. И тут как-то перемкнуло, что ли – свадьба, моя любовь к ней, и я говорю товарищу, который за рулем был: «Давай, сейчас мы их посадим к нам, и поедем в Абхазию!» Тот обалдел: «Зачем?!» Ну, я объяснил, он понял. Короче говоря, она начала подозревать, что к чему, уже когда мы за город выехали. Покричала для порядка, и замолчала. Как мне показалась, довольная. Ну, а дальше...

«Знает только ночка темная, как поладили они».

С тех пор не расстаемся.

А вот все это было, как я уже говорил, вполне себе спонтанно. То есть с собой ни денег, ни еды, да даже количество бензина было не для такой поездки. Но я знал, куда мы рулим! Это же Абхазия! Словом, остановили проезжавшую машину, в ней абхазец лет 60, попросили бензина. Я ему говорю : «Очень надо. Я невесту украл, везу в Тваркчели, прятать». Он как услышал про такое дело, сам засуетился, шланг вставляет в бак, и приговаривает: « Ай, хорошее дело, ребята! Ай, молодцы! Сейчас все отдам, себе только до дома оставлю!»

А ведь это очень показательно было. Ну, я имею в виду, что мы, конечно, знали, что это хоть и интересный, но спектакль.

Но он то не знал!

Х Х Х

Сняли мы комнату на Соколе. Комната в большой коммуналке, соседи боевые, жизнь идет под трам-тарарам, даже не высыпались. И я тогда себе зарок дал : как только придут настоящие деньги, я эту квартиру выкуплю.

И выкупил.

Настоящие деньги пришли в трудах и заботах и это, по сути, рутинная история. Все работают. Я не исключение. Может быть, где-то посообразительней был. Не мне судить. А вот некоторые эпизоды, сопутствующие этой рутине, я вспоминаю довольно часто.

Один особенно.

Мне надо было слетать в командировку в Ижевск. Было это 10 лет назад, 20 мая. Жена сказала, что видела плохой сон, и просила не лететь в этот день.

Что-то я почувствовал все же, когда на полдороге в Шереметьево мне в машину позвонил Юрий Михайлович Лужков, и сказал, что прямо сейчас везет Грефа в Гостиный двор. Показать, так сказать, все его великолепие. При всем уважении к Лужкову, я понимал, что все великолепие могу показать только я. Больше никто. Вопрос был серьезный, надо было возвращаться. Возвращаться, как известно, плохая примета. А тут еще сон жены.

Конечно, я вернулся. Показал Грефу универмаг, попили чаю, и я вновь поехал в Шереметьево. Настроение было плохое из-за всех этих примет и недоразумений. Взлетели, это был небольшой частный самолет, со мной были наши менеджеры и партнеры. Человек 8 на борту. Минут через пятнадцать забрались где-то на 6 тысяч метров, началась турбулентность, и сразу все услышали, что один двигатель заглох.

- Что и требовалось доказать, - сказал я вслух. Ко мне тут же подошла стюардесса Люба с полным стаканом виски. Виски начали наливать всем. Я пил стакан за стаканом, так как в это время заглох и второй двигатель. Последний.

Я достал из внутреннего кармана пиджака икону святой Матроны, и начал молиться. Не знаю, что делали остальные. Все молчали. Правда, один из друзей описался, но это было вполне естественно. Никто и никогда из нас впоследствии его за это не осуждал. Но вспоминаем, да.

Я еще успел позвать Любу, буквально в последний момент, и спросил, насколько все серьезно. А чего там было спрашивать, Люба только и успела плюхнуться в кресло, пристегнуться, и мы сели на брюхо – шасси летчики не смогли выпустить, заклинило. Приземлились на вспаханное поле, до бетонной стены, за которой начинался аэропорт, оставалось метров 100.

Только там, на этом поле, когда все вылезли - летчик выбил стекло капонира, и открыл нам снаружи дверь - я почувствовал, какой я пьяный.

Много позже, один знакомый из ИКАО, международной организации гражданской авиации, сказал мне, что такой случай бывает один из миллиона.

«Кто-то помог вам. Какие-то силы нездешние».

Я промолчал.

Я часто гляжу на лик Матроны. И пусть мне теперь кто-нибудь попытается доказать, что все это опиум для народа.

Х Х Х

Враги есть, конечно. У меня вся родня в Грузии живет. Я после того, как Саакашвили напал на Осетию, выступил на Госсовете, сказал, что теперь в Грузии появилось новое национальное блюдо – галстуки. Ну и, кроме шуток, предупредил, как человек, глубоко сидящий в теме, что от этого Мишико будет еще не мало бед. Вскоре арестовали моего родного брата. Потом устроил встречу с ним, с Саакашвили, в Германии, поговорили, и он выпустил его из тюрьмы под домашний арест. Уж не знаю, что на него подействовало. Может быть то, что я вполне серьезно предлагал себя на место брата. Не знаю. Но в Грузии я до сих пор персона нон грата. И все потому, что не хочу войны между ней и Россией. Хочу мира.

Хотя, конечно, националистам есть за что на меня обижаться. Одно время в Москве, в церкви на Малой Грузинской улице, они устроили себе штаб. Не формальный, конечно, но все переговоры по тактике и стратегии национального движения Саакашвили, они обсуждали там. Я пошел к нашему каталикосу, он мой

духовный отец, я пошел к патриарху Кириллу, и, что называется, начал бить в колокол. Вскоре отзывали и настоятеля этой церкви, и еще нескольких, особенно рьяных, священников. Других провокаторов просто разогнали.

Церковь вновь стала аполитичной.

Сегодня мир, не очень надежный, но, в общем и целом, есть, а меня в Грузии – нет. Печально.

Даже стариков не могу проводить.

Х Х Х

Я люблю оружие. С детства. Понятное дело, есть ли мальчики, которые не любят оружие. Может и есть, хотя вряд ли. Но мальчики становятся взрослыми, и про эту любовь забывают.

Я не захотел забывать.

Конечно, торговля оружием бизнес специфический, и государство не каждому его доверит. Потому что если государство тебе что-нибудь не станет доверять, то ничего у тебя не получится.

Я прошел 90 годы, и тогда перед такими бизнесменами, как я, был поставлен выбор : либо с бандитами, либо с властью. Надо ли говорить, что я выбрал власть. Лицензию дали без проволочек, хотя, конечно, я понимаю, что проверяли меня «по полной».

Власть доверяла мне, чем я, честно говоря, горжусь. Несмотря на многие упреки и вздохи разных моих коллег.

Труднее было с миром оружейников. Они очень настороженно относятся к новичкам. Может потому, что это самый прозрачный и самый порядочный бизнес в мире. Мы все друг друга знаем, ху из ху, как говорится. Доверие ко мне, повторяю, пришло, но совсем не сразу. Приглядывались, оценивали, ждали.

Правда, лицензию было получить гораздо проще.

Сегодня у меня несколько магазинов, где можно купить лицензионное оружие: охотничьи ружья, карабины, винчестеры. Все они называются «Кольчуга». Причем одна из этих «Кольчуг», находящаяся на Новом Арбате, международным сообществом оружейников признана лучшим оружейным магазином в мире. Эксперты учитывали все – ассортимент, сервис, гарантии.

В общем, мне удалось завоевать авторитет. Что, правда, стоило нервов и здоровья.

Дома потрясающая коллекция ружей. Я ей очень дорожу. Всего десять штук, но каких!

И все экземпляры я купил в своих же магазинах.

Х Х Х

Одно время был министром торговли в московском областном правительстве. Генерал Громов стоял у руля. В его время. Хаос поражал воображение – в области было 356 рынков, из них половина – нелегальные. Думал, что сумею переломить

ситуацию. Несколько сотен тысяч личных долларов истратил на нормативную базу, на подготовку документов. Друзья ужасались: зачем тратишь деньги впустую? Ничего не выйдет. И у меня тогда родилась веселая формулировка: «Что деньги!? Деньги не в счет».

Все крутили пальцем у виска. Собственно, что я хотел сделать? Создать национальную сеть рынков с предпочтением для местных производителей. Даже название придумал: «Матрешка». Кстати, генерал Громов был на моей стороне.

И ничего не вышло. В стране увлеклись западными брендами, тогда на рынок пришла шведская «Икеа», радостные вопли неслись со всех сторон, какая уж тут национальная сеть, и я понял, что не выйдет. Тут же подал заявление об уходе. Единственное положительное событие в те годы – защита диссертации «Предупреждение организованной преступности на потребительском рынке». Глас вопиющего в пустыне. Писал сам (так, на всякий случай).

Ну, хоть что-то.

И до сих пор бардак в подмосковной провинции не сумели преодолеть, несмотря на грамотного губернатора Воробьева, дай ему Бог здоровья.

Х Х Х

Временами, конечно, некоторый иррационализм в моих действиях есть. Я действительно готов потратиться за идею.

Но – за идею!

Метафизика денег, не такая уж сложная вещь, если в ней хорошенько покопаться.

И сделать выводы.

Да, если перефразировать Джорджа Сороса, который в своей книге «Алхимия финансов» написал, что «не только игроки влияют на рынок, но и рынок – на игроков», капитал должен влиять на сознание своего хозяина. И это так и есть.

Вопрос в том, как это сознание меняется.

Разумеется, я могу говорить только о себе. Я, как и любой гражданин своей страны, знаю, что есть у нас целые области, где люди живут за чертой бедности, есть и вообще места, в которых нет электричества. Можете верить, или нет, но меня это сильно задевает. Не только, как гражданина. Как человека, у которого за спиной не слабый капитал.

И я пытаюсь что-то делать. Вот сейчас возвращаемся к идее поиска вундеркиндов малолетних по всей стране. Есть такие дети, ими надо заниматься, надо вкладывать деньги в их будущее. Потому что это наше будущее. А кому не хочется, чтобы его будущее было умным. Короче говоря, школу для таких ребят я все же построю.

Обожаю грузинский праздник Тбилисоба, который мы устраиваем в Москве. Вообще все, что идет на пользу восстановления отношений между Россией и Грузией – под моим пристальным вниманием. И финансированием. Конечно, когда удастся встречаться с высшим руководством страны, всегда пытаюсь поговорить об этой проблеме. Надоел, наверное, уже.

Но я лицо частное. С меня и взятки гладки.

И, как частное лицо, пытаюсь создать Фонд русской культуры. Просто помогать русским людям. Просто помогать бедным, и попавшим в тяжелое положение.

Надо поддержать нацию. Я уже потерял Грузию. Не хочу, чтобы то же самое произошло с Россией.

Х Х Х

МИХАИЛ ХУБУТИЯ - ДМИТРИЮ
МЕДВЕДЕВУ:

"Да можно с грузинами договориться. Мамой
клянусь!"

Деньги – инструмент обоюдоострый. С их
помощью можно принести как зло, так и
добро.

Это инструмент, при помощи которого в обществе можно поддерживать принцип
справедливости, либо наоборот – несправедливости.

Слава Богу, я это понял.

Но для этого надо было начать с самого начала. С разгрузки вагонов на
Павелецком вокзале.

Записал Андрей Соколов